

Александр Баженов

Семь сфер. Книга I. Начало

Александр Баженов

Семь сфер. Книга I. Начало

<https://litres.ru/74124717>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артём — обычный московский курьер двадцати двух лет с просроченными платежами, брошенной учёбой и чувством, что жизнь утекает сквозь пальцы. Всё меняется в один дождливый вечер, когда повторяющийся сон о фантастическом городе приводит его к старому бабушкиному сундуку, а в нём — к таинственной книге без названия. «Семь сфер Абсолюта. От корня до короны. Пробуди — и станешь тем, кем был до рождения» — гласит надпись на первой странице.

«Семь сфер» — это мистический роман-взросление о природе силы и ответственности, о тонкой грани между эго и духом, и о том, что единственная сила, не требующая жертв, — это любовь. История для тех, кто ищет большее, нежели просто магия, и верит, что любая тьма рассеивается, если рядом горит родное сердце.

Содержание

Книга I	4
Оглавление	5
Предисловие к первой книге	15
Пролог. Сон наяву	22
Бабушка	25
Откровение	31
Последняя мысль	33
Бабушкины слова	34
Глава 1. Первая сфера: Корень	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Семь сфер. Книга I. Начало

Книга I

Оглавление

Пролог. Сон наяву

Город Трёх Лун. Обелиск со спящим двойником. Голос, который говорит о семи дверях. Пробуждение в серой реальности — съёмная однушка, просроченный интернет, запах вчерашней пиццы. Жжение в ладонях, которое не проходит. Бабушкин сундук, книга в кожаном переплёте, серебряный кулон в виде семилучевой звезды. Первая страница: «Семь сфер Абсолюта. От корня до короны. Пробуди — и станешь тем, кем был до рождения». Бабушкины заметки на полях.

«Самого главного глазами не увидишь — зорко одно лишь сердце». Антуан де Сент-Экзюпери «Символ — это видимый знак невидимой реальности». Карл Густав Юнг

Глава 1. Первая сфера: Корень

Муладхара — красный сгусток в основании позвоночника. Месяц безуспешных медитаций на холодном полу. Бабушкины заметки: «Земля держит нас. Но чтобы почувствовать это, нужно сначала упасть. И встать». Авария на мокром асфальте — удар, полёт через руль, хруст собственных ко-

стей. Вспышка красного света и пробуждение. Кости срастаются за секунды, асфальт идёт трещинами. Испытание гневом — Артём почти убивает водителя. Звёздный кулон обжигает холодом, осаживая ярость. Первый урок: сила корня — не в сокрушении, а в способности стоять.

«Победи гнев — и ты победишь смерть». Будда

Глава 2. Вторая сфера: Эмоции

Свадхистхана — оранжевая сфера в животе. Артём начинает видеть ауры людей — серые, жёлтые, розовые, чёрные. Учится менять эмоциональные ореолы. Испытание контролем. Встреча с Алисой в парке «Сокольники» — оранжево-золотая аура, лунный камень в медной оправе, серые глаза с янтарными крапинками. Разговор о любви и оберегах. Испытание ревностью — Артём поддаётся искушению и посылает Алисе волну боли. Осознание ошибки, честный разговор, пробуждение сферы через выбор любви, а не контроля. Алиса дарит мотанку — оберег, сделанный с добрыми мыслями.

«Эмоция перестаёт быть страстью, как только мы составляем о ней ясное и отчётливое представление». Бенедикт Спиноза «Не делай другому того, чего не желаешь себе». Конфуций «Любовь — это когда два одиночества встречаются, соприкасаются и защищают друг друга». Райнер Мария Рильке

Глава 3. Третья сфера: Воля

Манипура — жёлтая сфера солнечного сплетения. Упражнение с рисовым зёрнышком — недели неудач и физического истощения. Алиса дарит агатовый шар — символ силы и концентрации. Пробуждение телекинеза. Артём учится поднимать предметы усилием воли. Цена за силу — головные боли, потеря сознания, дрожь в мышцах. Испытание гордыней — драка у ночного клуба, жестокое избиение хулиганов. Алиса в ужасе. Браслет с тремя металлами — железо, медь, серебро — как символ обещания и защиты. Раскаяние и переучивание — Артём заново учится силе, рождённой из покоя, а не из гнева. Третий урок: воля должна служить духу, а не эго.

«Ты — то, чего желаешь. Сила желания определяет силу достижения». Упанишады «Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем». Фридрих Ницше «Любой может разозлиться — это легко; но разозлиться на того, на кого нужно, и настолько, насколько нужно — это дано не каждому». Аристотель «Тот, кто умеряет свои желания, — богат, даже если беден». Лао-Цзы

Глава 4. Четвёртая сфера: Интуиция

Анахата — зелёная сфера в центре груди. Бабушкины заметки: «Зеркало — врата. Но смотреть в него надобно не глазами, а сердцем». Хрустальный шар — мост между мирами. Психометрия — чтение прошлого предметов. Бабушкин слоник — видение деда, который не вернулся с войны. Серебряный ключик Алисы — видение её матери, последние мысли о любви. Исцеление через знание. Первый выход в эфирный план. Столкновение с Хранителями Граней — холодные ауры, медальоны с перечёркнутой спиралью. Обсидиановые диски — «щиты сновидца». Предупреждение об опасности. Четвёртый урок: у сердца есть глаза, которые видят невидимое.

«У сердца есть свои разумения, которых разум не понимает». Блез Паскаль «Кто смотрит наружу — спит, кто смотрит внутрь — пробуждается». Карл Густав Юнг «То, что ты ищешь, тоже ищет тебя». Джалаладдин Руми

Глава 5. Пятая сфера: Телепатия

Вишудха — голубая сфера горла. Хаос чужих мыслей — какофония, которая чуть не сводит с ума. Алиса как якорь — её дыхание, её аура, её присутствие. Парные кварцевые

кулоны — «близнецовые камни» — и пробуждение телепатической связи. Общение с дубом и животными — мир становится живым, говорящим, дышащим. Испытание ложью — случайное чтение страхов Алисы. Соблазн стереть их. Честный разговор и окончательное пробуждение пятой сферы через правду. Второе столкновение с Хранителями в метро — жезл с морионом, ментальное облако как способ уйти. Пятый урок: мысли — это мосты, истинная близость начинается там, где мосты большие не нужны.

«Если бы двери восприятия были чисты, всё предстало бы человеку таким, какое оно есть — бесконечным». Уильям Блейк «Любовь — это жажда целостности и стремление к ней». Платон «Влюблённые не лгут». Уильям Шекспир «Знающий не говорит, говорящий не знает». Лао-Цзы

Глава 6. Шестая сфера: Воображение

Аджна — синяя сфера между бровей, «третий глаз». Подготовка к пробуждению. Амулет «третий глаз Шивы» — треугольник с изображением глаза. Алиса учит видеть детали — от яблока до полного погружения в образ. Создание стеклянного шарика из пустоты. Материализация пищи, цветов, корма для котов. Цена за творение — усталость и опустошение. Испытание иллюзией всемогущества — соблазн создать идеальный мир. Артём почти исчезает, его тело становится прозрачным. Алиса останавлива-

ет: «Счастье, созданное в одиночку, — это тюрьма». Угроза Хранителей: три дня до удара. Создание двойника с глиняным медальоном Древа Жизни — долгий ритуал, в котором Алиса помогает с визуализацией. Шестой урок: создать мир из пустоты — великий дар. Не подменить им реальность — великая мудрость.

«Воображение важнее знания. Знание ограничено, воображение же охватывает весь мир». Альберт Эйнштейн «Красота спасёт мир». Фёдор Достоевский «Две души живут во мне, и обе не в ладах друг с другом». Иоганн Вольфганг Гёте

Глава 7. Седьмая сфера: Космос

Сахасрара — фиолетовая сфера над макушкой, Корона. Золотое колечко с семью лучами — бабушкин амулет для седьмой сферы. Последние приготовления. Выход в астрал — семь сфер загораются одна за другой, как лампочки. Видение Земли из космоса, нитей вероятностей, времени как бескрайнего поля. Обелиск и высшее «Я» — встреча с тем, кем Артём был до рождения. Атака Хранителей — двойник сражается, медальон трескается, он тает на глазах. Магистр с жезлом из мориона. Алиса зовёт Артёма по имени — «Только бы успеть. Только бы он остался жив». Выбор между растворением в бесконечности и возвращением. Возвращение с пробуждённой седьмой сферой. Свет Сахасра-

ры показывает Хранителям их души. Магистр плачет, признавая страх. Седьмой урок: на вершине нет ничего. Только свет.

«Ты не капля в океане. Ты — целый океан в капле». Джалаладдин Руми «Любовь — это единственное, что становится тем сильнее, чем больше её отдаёшь». Лао-Цзы

Глава 8. Битва в астрале и возвращение

Возвращение в тело — рождение заново. Сияющая Сахасрара. Артём видит мир иначе — вероятностные поля, прошлое и будущее одновременно. Свет коронной сферы показывает Хранителям их души — медальоны раскалываются один за другим. Магистр плачет, признавая страх. Философский разговор — «Ты показал мне, что даже страх может быть преображён». Орден распускается. Магистр уходит в Тибет искать учителей. Алиса собирает из осколков медальонов мозаику-галактику — символ трансформации страха в надежду. Бабушкина запись на последней странице — «Внучок, я знала, что ты справишься. Любовь — это единственная сила, которая не требует жертв». Восьмой урок: побеждает не тот, кто сильнее. Побеждает тот, кто помнит, ради кого вернуться.

«То, что мы испытываем как страх, часто есть не что иное, как призыв к любви». Оскар Уайльд «Смысл делает многие вещи выносимыми — возможно, почти всё». Карл Гу-

Эпилог. Год спустя

Дом с яблоневым садом. Выставка Алисы «Свет внутри» — двадцать картин, пронизанных светом. Исцеление людей — Артём принимает тех, кому нужна помощь, исцеляет словом и прикосновением. Два камня под дубом — обсидиан и кварц, соединённые серебряной проволокой в знак бесконечности. Строка в бабушкиной книге: «Внучок, я знала, что ты справишься. Любовь — это единственная сила, которая не требует жертв». Семь цветных колец над садом. Последний вопрос и ответ.

«Любить — это не значит смотреть друг на друга, любить — значит вместе смотреть в одном направлении». Антуан де Сент-Экзюпери «Любовь есть сила жизни. Любовь есть правило для исполнения всех правил». Лев Толстой

Послесловие

О пути от курьера до пробуждённого. О бабушке и книге. О семи сферах как системе знаний. Об Алисе как зеркале и якорю. О Хранителях Граней как людях, которые просто боялись. О любви как главной силе. О свете, который умножается, когда им делятся. Напутствие читателю: в каж-

дом из вас есть семь сфер. Они могут спать. Но их можно пробудить — не магией, трудом, вниманием, любовью.

«Свет внутри тебя — это не просто сила. Это здоровье твоё и тех, кого ты любишь. Храни его, как хранят огонь в очаге — не дай ветру задуть, не дай дождю залить. Ибо когда свет гаснет, первыми замерзают те, кто грелся у твоего костра». Мария Васильевна Бажаник «Блаженные чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Библия «Ты не капля в океане. Ты — целый океан в капле». Джалаладдин Руми

Словарик

Имена и названия. Эзотерические и магические термины. Семь сфер — от Муладхары до Сахасары. Артефакты, амулеты, талисманы — от звёздного кулона до двух камней под дубом. Цитируемые великие — Экзюпери, Юнг, Лао-Цзы, Будда, Рильке, Ницше, Аристотель, Платон, Руми, Достоевский, Гёте, Толстой, Уайльд и другие. Уникальные выражения и метафоры. Мифические и магические существа.

«Самого главного глазами не увидишь — зорко одно лишь сердце». Антуан де Сент-Экзюпери

Об авторе

Главный герой писал эту книгу два года, переписывая

каждую главу по несколько раз. Учился на философском факультете МГУ, но бросил. Работал курьером. Эзотерикой увлёкся после смерти бабушки, которая оставила ему старую книгу с заметками на полях. «Семь сфер» — первая книга серии.

«Я написал эту книгу для себя. А потом понял, что она — для всех, кто когда-либо чувствовал себя потерянным».

Примечание

Вторая книга серии — **«Семь сфер. Книга II. Шамбала»** — готовится к изданию. Артём и Алиса отправятся на поиски легендарной страны, встретятся с Махатмами, сражаются с асурами и вступят в противостояние с демоном Раху. Путь продолжается.

Предисловие к первой книге

Дорогой читатель.

Ты держишь в руках книгу, которая начиналась с одного вопроса. Мне было двадцать два года, я сидел в съёмной однушке на седьмом этаже, смотрел на просроченный счёт за интернет и чувствовал, как жизнь просачивается сквозь пальцы. Я был обычным парнем. Курьером. Должником. Человеком, который проснулся однажды утром и понял, что не знает, зачем он просыпается.

В тот день я не нашёл волшебную книгу. В тот день я просто подошёл к окну, увидел серое небо Москвы и понял: я не хочу так жить.

Но с чего начинается путь, если ты даже не знаешь, куда идти?

С первой страницы.

Я написал эту книгу для себя. А потом понял, что она — для всех, кто когда-либо чувствовал себя потерянным. Для тех, кто стоял на балконе и смотрел вниз, думая: «А если я просто шагну?» Для тех, кто засыпал под шум дождя и не мог вспомнить, что им снилось. Для тех, кто носит на шее кулон, подаренный бабушкой, и не знает, зачем он это делает.

Это история не про магию. Это история про *внимание*. Про то, как мы учимся замечать то, что всегда было внутри нас. Про семь дверей, которые есть у каждого человека, —

но мы не знаем, где их искать, потому что привыкли смотреть наружу, а не внутрь.

Что такое «Семь сфер»?

Семь сфер — это не выдумка. Это древняя система знаний, известная в Индии как чакры, в Тибете — как энергетические центры, в каббале — как сфирот. Муладхара, Свадхистхана, Манипура, Анахата, Вишудха, Аджна, Сахасрара. Красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый. Семь цветов радуги. Семь нот октавы. Семь дней недели. Семь — число завершенности, целостности, полноты.

Но эта книга не учебник по эзотерике. Я не гуру и не учитель. Я человек, который прошёл этот путь — и споткнулся на каждой сфере. У меня не было наставника, кроме старой книги, найденной в бабушкином сундуке. И у моего героя, Артёма, нет никого, кроме этой книги. И Алисы. Но Алиса — это уже другая история.

Я написал эту историю так, как чувствовал: честно, без прикрас, без обещаний лёгкого просветления. Каждая сфера в этой книге — не просто «способность», которую можно получить в один день. Это испытание. Муладхара испытывает страхом смерти. Свадхистхана — искушением манипуляции. Манипура — гордыней. Анахата — обидой. Вишудха — ложью. Аджна — иллюзией всемогущества. Сахасрара —

потерей себя.

Я не хочу, чтобы ты читал эту книгу как инструкцию. Я хочу, чтобы ты читал её как зеркало. Задай себе вопрос: *а что, если эти сферы есть во мне? Что, если я уже пробовал их пробудить — просто не знал, как это называется?*

О чём эта книга на самом деле

Это книга о любви. Не о той влюблённости, которая проходит через месяц. О любви как фундаментальной силе. О любви, которая держит миры. О любви, которая сильнее страха, сильнее гордыни, сильнее иллюзий.

Мой герой, Артём, проходит путь от курьера на велосипеде до пробуждённого. Он учится управлять своим телом, эмоциями, волей. Он обретает интуицию, телепатию, способность материализовать мыслеформы. Он заглядывает за грань реальности и возвращается обратно — изменившимся, но всё тем же.

Но главное, что он понимает в конце: *сила — не цель. Сила — инструмент. А цель — любовь.*

«Любовь — это единственная сила, которая не требует жертв», — написано в бабушкиной книге. Артём понимает это не сразу. Он проходит через гнев, гордыню, ревность, иллюзии. Но в конце, стоя перед высшим «Я» в астрале, он делает выбор. Не силу. Не власть. Любовь.

Именно поэтому эта книга — фэнтези, а не «магический

реализм». Потому что в реальной жизни мы не всегда выбираем любовь. В реальной жизни мы выбираем комфорт, безопасность, привычку. Но в хорошей истории герой должен сделать правильный выбор — даже если это трудно. Даже если это страшно. Даже если это требует отказа от того, что кажется самым важным.

Кто найдёт в этой книге себя

Если ты когда-нибудь чувствовал, что стоишь на пороге чего-то важного, но не знаешь, как переступить его, — эта книга для тебя.

Если ты носил на шее амулет, подаренный бабушкой, и не знал, зачем, — эта книга для тебя.

Если ты просыпался по утрам и не мог вспомнить, снилось ли тебе что-то, — эта книга для тебя.

Если ты любил и боялся любить, потому что любовь делает уязвимым, — эта книга для тебя.

Эта книга о том, что в каждом человеке спят семь центров силы. Семь сфер, которые могут быть активированы — не магией, не случайностью, а трудом. Ежедневной практикой. Вниманием к себе. Любовью.

Как читать эту книгу

Не торопись.

Каждая глава — это ступень. Ты не должен проглатывать их одну за другой, как фастфуд. Остановись после каждой главы. Закрой книгу. Спроси себя: *а что я чувствую? Отзывается ли во мне эта сфера?*

Ты можешь верить в магию — или не верить. Это не важно. Важно то, что каждая сфера — это метафора того, что мы можем развить в себе: опору, эмпатию, волю, интуицию, коммуникацию, воображение, связь с миром. Даже если ты скептик, ты согласишься: эти качества делают нас сильнее и человечнее.

Не бойся цитат.

В этой книге много цитат великих мыслителей. Будда, Спиноза, Конфуций, Рильке, Ницше, Аристотель, Достоевский, Гёте, Юнг. Я не хочу казаться умным. Я просто делюсь тем, что помогло мне самому. Эти слова — как камертоны. Они настраивают душу на правильную частоту. Если какая-то цитата тебя не зацепила — пропусти её. Если зацепила — остановись и подумай.

Не ищи точных инструкций.

Ты не найдёшь здесь пошагового руководства «Как пробудить Муладхару за 7 дней». Каждый человек уникален. У каждого свой путь. Артём пробуждает первую сферу через

аварию. Кто-то пробудит её через медитацию. Кто-то — через роды. Кто-то — через потерю. Универсального метода нет. Есть только намерение и внимание.

О первой книге в серии

Эта книга — только начало. Артём пробуждает все семь сфер, но история на этом не заканчивается. Впереди — битва с асурами, встреча с Махатмами, путешествие в Шамбалу, противостояние с демоном Раху.

В первой мы знакомимся с героями. Мы проходим с Артёмом путь от неведения до пробуждения. Мы влюбляемся в Алису, ненавидим Хранителей и учимся видеть свет внутри себя.

Книга, которую ты держишь в руках, — приглашение. Не в мир магии. В мир себя.

Благодарности

Я хочу поблагодарить свою бабушку. Она ушла пять лет назад, но я всё ещё чувствую её руку на своём плече. Именно она научила меня видеть мир иначе. Не глазами — сердцем. Она оставила мне не волшебную книгу — она оставила мне веру в то, что я могу быть больше, чем просто тем, кем меня считают другие.

Я благодарю тебя, дорогой читатель, за то, что ты взял эту книгу. Ты мог выбрать тысячу других, но выбрал эту. Я не знаю, что привело тебя сюда — случай, любопытство, боль или надежда. Но я знаю одно: ты не зря открыл её.

Возможно, именно сейчас, читая эти строки, в твоей груди начинает пульсировать что-то, что ты называл «просто сердцебиением». Возможно, это твоя первая сфера. Красная. Корень. Опора.

Сделай вдох. И сделай шаг.

«Самого главного глазами не увидишь — зорко одно лишь сердце».

Антуан де Сент-Экзюпери

«Тот, кто смотрит наружу — спит, кто смотрит внутрь — пробуждается».

Карл Густав Юнг

«Любовь — это единственная сила, которая не требует жертв».

Мария Васильевна Бажаник

Москва, 2024

Пролог. Сон наяву

Артёму снился город, которого не существовало.

Он стоял на площади, мощённой плитами из полупрозрачного камня, и чувствовал, как под ногами пульсирует ровный жемчужный свет. Дома вокруг были высокими и изящными, их стены мерцали, как если бы они были сотканы из застывшего тумана. По улицам текли реки золотистого сияния, и Артём понимал, что может дышать этим светом, как воздухом.

В небе висели три луны.

Алая, как капля крови на белом шёлке. Лиловая, как вечерняя тень. Серебряная, как ободок старого зеркала. Они вращались в медленном танце, и их свет смешивался, создавая на площади причудливые узоры.

В центре площади возвышался обелиск. Он был выше всех домов — высотой с двадцатипятиэтажный дом, — и его поверхность была гладкой, как зеркало. Артём приблизился, и в глубине обелиска увидел человека. Тот спал, свернувшись калачиком, как плод в коконе, и его лицо было лицом самого Артёма.

Он хотел подойти ближе, коснуться стеклянной поверхности, но ноги не слушались. Он был прикован к месту невидимой силой. Тогда зазвучал Голос — не в ушах, а где-то глубоко в позвоночнике, в основании черепа. Там, где начи-

нается всё живое.

— Семь сфер, семь ключей, семь дверей. Ты стоишь у первой. Хватит ли смелости открыть?

Голос был похож на шёпот осеннего дождя по карнизу. На шуршание старых страниц. На дыхание спящего.

Артём попытался ответить, но из горла вырвался лишь бесплотный вздох. И сразу всё исчезло.

Пробуждение выдернуло его в серую действительность. За окном съёмной однушки на седьмом этаже спального района Москвы моросил октябрьский дождь — тот самый, из сна. Капли стучали по стеклу, стекали вниз мутными ручейками, и мир за окном казался размытым акварельным рисунком.

В комнате пахло вчерашней пищей и сыростью. На смартфоне высветилось оповещение о просроченном платеже за интернет. Артём посмотрел на экран, потом на потолок, на котором расплзалась жёлтое пятно от протечки, и вздохнул.

Двадцать два года. Курьерская зарплата. Брошенная учёба в политехе. Долги, которые росли, как снежный ком, и чувство, будто жизнь просачивается сквозь пальцы, как вода сквозь решето.

Никаких тебе золотых туманов. Никаких трёх лун.

Но сон запомнился слишком ярко. До рези в висках. До дрожи в пальцах. До ощущения, что это был не сон, а воспоминание о чём-то, чего он никогда не переживал.

И ещё — странное жжение в ладонях. Оно не проходило всё утро. Он смотрел на свои руки, и ему казалось, что кожа

на них чуть светится — едва заметным красноватым отблеском. Но он знал, что это просто игра света. Просто усталость. Просто его разыгравшееся воображение.

Бабушка

Моя бабушка, Мария Васильевна, говорила: «Жизнь — это книга, которую мы пишем сами, но чернила нам подаёт судьба». Она часто повторяла слова Экзюпери: «Самого главного глазами не увидишь — зорко одно лишь сердце». Эти слова стали для неё девизом.

Она была женщиной удивительной. В войну служила радисткой, принимала шифровки, которые могли стоить жизни. Потом стала врачом, лечила людей в маленькой районной поликлинике, и к ней ходили не за таблетками — за теплом. А на пенсии ударилась в эзотерику. Соседи считали её блаженной, но уважали. Я любил слушать её рассказы о тонких мирах, о невидимых нитях, связующих всё живое, о том, что камни могут помнить, а мысли — материализоваться.

Она никогда не повышала голоса, но от неё веяло такой внутренней силой, что даже задиристые мальчишки во дворе замолкали, когда она проходила мимо. Я помню её глаза — светло-серые, почти прозрачные, с неизменной искоркой внутри. Она смотрела на мир так, будто видела не только то, что лежит на поверхности, но и то, что скрыто под слоями реальности.

Особое место в её рассказах занимали талисманы. Она не носила золота, но всегда имела при себе несколько амулетов: гладкий речной камень с дырочкой — «куриный бог», защи-

щающий от бед; маленький кожаный мешочек с сушёными травами на шее — от дурного глаза; и перстень с мутным агатом, который, по её словам, приманивал нужных людей и отводил недобрых.

— Вещь, которую долго носят с молитвой или доброй мыслью, перестаёт быть просто вещью, — объясняла она. — Она пропитывается нашим намерением, как губка водой. И начинает дышать в унисон с миром.

Ребёнком я не понимал, как камень может дышать. Теперь, стоя на пороге двадцати двух лет, глядя на свои ладони, которые всё ещё помнили жжение из сна, я начинал догадываться.

Она умерла пять лет назад. Рак. Быстро, почти без боли — так сказали врачи. Но я знал, что она уходила так же, как жила — спокойно, с улыбкой, без страха. В последний день она взяла мою руку и прошептала:

— Ты найдёшь его, внучок. Когда придёт время. Не торопись. Всему своё время.

Я не понял тогда. Я подумал, что она бредит, что лекарства затуманили её разум. Теперь я понимаю: она говорила о книге.

Вещи после неё перевезли ко мне. Я жил тогда в маленькой комнате в общежитии, потом переехал в эту однушку. Сундук с бабушкиными вещами стоял в кладовке, заваленный старыми коробками и ненужным хламом. Я так и не открыл его — думал, там ветошь, старые кружева, пожелтев-

шие фотографии. Всё, что напоминало бы о ней слишком сильно.

И вот, спустя пять лет, именно в тот дождливый вечер после странного сна я зачем-то полез в кладовку. Я не планировал этого. Я просто услышал шёпот — тот же Голос, что и во сне, но теперь он звучал из глубины квартиры, из-за двери, которую я не открывал пять лет.

«Пришло время».

Я распахнул дверцу кладовки. Света там не было, и я шарил рукой в темноте, пока пальцы не наткнулись на что-то твёрдое, прохладное, обтянутое кожей. Я вытащил это наружу.

Крышка сундука поддавалась удивительно легко, словно ждала. Она не скрипела, не заедала — просто открылась, как будто кто-то смазал петли накануне. Внутри, среди пожелтевших кружев и статуэток из слоновой кости, лежала книга.

В переплёте из тёмной, почти чёрной кожи. Ни названия на обложке. Ни автора. Ни издательства. Только семь углублений на корешке — семь кругов, вписанных друг в друга, как мишень.

Запах от неё шёл сухой и пряный, как от старых церковных фолиантов. Я провёл пальцами по коже — она была мягкой и тёплой, как живая. Я открыл первую страницу, и сердце замерло.

Семь окружностей, вложенных одна в другую. Красная, оранжевая, жёлтая, зелёная, голубая, синяя, фиолетовая. И

надпись на странной смеси русского и санскрита:

«Семь сфер Абсолюта. От корня до короны. Пробуди — и станешь тем, кем был до рождения».

Я перевернул страницу. Дальше шёл текст — плотный, мелкий, написанный от руки, но не моей бабушки. Более старый почерк, с завитушками и наклонными буквами, как в старинных манускриптах. А на полях — знакомые каракули. Бабушкин почерк. Выцветшие чернила, чуть смазанные временем.

«Не форсируй» — было написано рядом с описанием красной сферы.

«Сперва полюби себя» — возле оранжевой.

«Помни: сила — лишь эхо любви» — на полях жёлтой сферы.

«Зеркало — врата» — рядом с зелёной.

«Мысли — это мосты» — у голубой.

«Создать мир из пустоты — великий дар. Не подменить им реальность — великая мудрость» — возле синей.

И на последней странице, которую я увидел, пролистав книгу до конца — не прочитал, а только увидел:

«На вершине нет ничего. Только свет».

Я закрыл книгу и положил её на колени. Руки дрожали. Я чувствовал, как внутри меня, где-то в глубине, начинает зарождаться что-то новое. То самое жжение в ладонях — оно усилилось, стало горячее. Я смотрел на свои руки и видел, как на коже проступает едва заметный красный свет.

Я снял книгу с колен и снова заглянул в сундук. Под ней, завёрнутый в бархат, лежал серебряный кулон.

Он был необычным: семилучевая звезда, вписанная в круг. Каждый луч был тонким и изящным, и на конце каждого висела крошечная капля — красная, оранжевая, жёлтая, зелёная, голубая, синяя, фиолетовая. Семь сфер. Семь цветов.

Я взял кулон в руки, и он мгновенно стал тёплым — будто ждал прикосновения много лет. Металл гладкий, чуть шероховатый от времени. На обороте я прочитал надпись на санскрите: «Семь сфер да пробудятся в свой черёд, и ни одна прежде другой».

Я надел кулон на шею. Он тяжело лёг на грудь, и я почувствовал, как его тепло разливается по телу, проникает в ладони, в позвоночник, в самое сердце. Жжение в ладонях стихло, сменившись глубоким, спокойным теплом.

И в этот момент я понял: это не случайность. Это — знак. Бабушка знала, что я найду эту книгу и этот кулон. Она оставила их для меня. Ждала пять лет. А может, и больше.

Позже я узнаю, что этот кулон — не просто украшение. Он служит одновременно оберегом и якорем, удерживающим сознание во время выхода в астрал. Он напоминает телу и духу об избранном пути, фиксирует намерение, не давая расплескаться в суете. Он — как камертон, который настраивает душу на нужную частоту.

Но это будет потом. Сейчас я просто сидел на полу кла-

довки, держал в руках бабушкину книгу и чувствовал, как мир вокруг меня начинает меняться. Не физически — внутри. В глубине, где всегда было пусто и темно, загорался первый огонёк.

Я вспомнил слова Карла Густава Юнга, которые бабушка любила цитировать: «Символ — это видимый знак невидимой реальности». И ещё: «Кто смотрит наружу — спит, кто смотрит внутрь — пробуждается».

В тот вечер я не пошёл на смену. Я сидел на кухне до рассвета, перелистывая страницы книги, и каждая строка отзывалась гудением в груди. Я читал о семи сферах, о Муладхаре и Сахасраре, о корне и короне, о том, как пробудить силу, которая спит в каждом человеке.

Я читал о красной сфере, которая даёт выносливость. Об оранжевой, которая открывает эмпатию. О жёлтой, которая дарует волю. О зелёной, которая учит видеть невидимое. О голубой, которая открывает телепатию. О синей, которая позволяет творить реальность. О фиолетовой, которая связывает с Абсолютом.

И я понимал: это не просто книга. Это — карта. Карта моего собственного пути.

Откровение

Я перечитал бабушкины заметки на полях. Каждая страница была испещрена её каракулями — выцветшими чернилами, которые когда-то были яркими и чёткими, а теперь казались почти прозрачными.

«Помни, — писала она возле описания Муладхары, — земля держит нас. Но чтобы почувствовать это, нужно сначала упасть. И встать».

«Эмоции — не оружие, а мост, — значилось рядом с описанием Свадхистханы. — Строя мост из лжи, ты упадёшь в пропасть».

«Сила без мудрости — проклятие, — было написано на полях Манипуры. — Воля должна служить духу, а не эго».

«У сердца есть глаза, — гласила запись возле Анахаты. — Они видят невидимое. Слышат неслышимое. И знают то, что разум ещё не понял».

«Мысли — это мосты, — писала она рядом с Вишудхой. — Их можно строить, а можно сжигать. Истинная близость начинается там, где мосты больше не нужны — потому что нет берегов».

«Создать мир из пустоты — великий дар, — было написано на полях Аджны. — Не подменить им реальность — великая мудрость».

И на последней странице, которую я открыл уже под утро,

когда первые лучи солнца начали пробиваться сквозь шторы, я увидел бабушкину приписку, сделанную крупными, ровными буквами:

«Внучок, я знала, что ты найдёшь эту книгу. Я знала, что твой путь начнётся именно в тот день, когда ты будешь готов. Не бойся. Ты справишься. Любовь — это единственная сила, которая не требует жертв. И помни: кольцо, что ты найдёшь, носи на правой руке. Оно притянет удачу на твоём новом пути».

Я закрыл книгу и долго сидел, глядя в окно. Солнце поднималось над Москвой, окрашивая серые дома в розовый и золотой. Город просыпался, мир жил своей привычной жизнью. Но внутри меня всё изменилось.

Я встал, подошёл к окну и положил ладонь на холодное стекло. Семь сфер, о которых писала книга, уже не были для меня абстракцией. Я чувствовал их. Красную — в основании позвоночника, где пульсировало знакомое жжение. Оранжевую — в животе, где разливалось тепло. Остальные были ещё спящими, но я знал: они ждут.

«Семь сфер, семь ключей, семь дверей, — прошептал я, повторяя слова Голоса из сна. — Ты стоишь у первой. Хватит ли смелости открыть?»

Я сжал кулон в ладони. Он был тёплым, живым, дышащим.

— Хватит, — ответил я. — Хватит смелости.

И в этот момент первый луч солнца коснулся моего лица.

Последняя мысль

Самые важные путешествия начинаются не с шага. Они начинаются со сна, который не забыть. С книги, которую случайно находишь в старом сундуке. С кулона, который ждал тебя пять лет. И с веры — в то, что мир не просто серый, не просто холодный, не просто пустой.

Вера в то, что в каждом человеке спят семь сфер. И что каждая из них может быть пробуждена — не магией, не случайностью, а трудом. Ежедневной практикой. Вниманием к себе. Любовью.

Я посмотрел на свои руки. Жжение стихло, но в ладонях осталось ощущение силы. Тёплой, спокойной, живой. Я улыбнулся и убрал книгу в рюкзак. Кулон спрятал под футболку, чтобы он касался кожи.

Сегодня я собирался на смену. Мне нужно было доставить заказы, заработать деньги, заплатить за интернет. Мир не остановился из-за того, что я нашёл книгу. Но я остановился. Я стал другим.

И я знал: это только начало.

Бабушкины слова

Я уже собирался выходить, когда заметил, что в сундуке, под слоем бархата, в котором лежал кулон, есть ещё что-то. Я развернул ткань и увидел маленькое золотое колечко с семью лучами. Такими же, как на кулоне.

Я поднял его. Оно было лёгким, почти невесомым, но на пальце ощущалось тёплым и плотным. Я надел его на мизинец левой руки, и оно село как влитое.

На внутренней стороне кольца была выгравирована надпись: «Корона — не для гордыни. Для памяти о том, кто ты есть на самом деле».

Я улыбнулся и сжал кольцо в ладони. Бабушка знала. Она всегда знала.

Я вышел из квартиры, закрыл дверь и направился вниз по лестнице. Москва ждала меня — серый город, в котором миллионы людей спешили по своим делам. Но я больше не был одним из них. Я был тем, кто знал: в каждом человеке есть свет. И этот свет можно пробудить.

«Путь в тысячу ли начинается с первого шага», — вспомнил я слова Лао-Цзы.

Самые важные путешествия начинаются не с шага. Они начинаются со сна, который не забыть.

Глава 1. Первая сфера: Корень

Книга называла её Муладхара. Корень. Красный пульсирующий сгусток в основании позвоночника, на три пальца выше копчика. «Связь с землёй, — писала книга. — Точка опоры. Пока она спит, человек висит в пустоте». Я перечитывал этот абзац по десять раз каждый вечер, сидя на холодном полу съёмной однушки, и пытался представить красную точку внутри таза.

Ничего не происходило.

Я закрывал глаза, дышал по методике — медленно, животом, — представлял корни, уходящие от позвоночника в пол, в бетон, в землю. Неделя, вторая, месяц. Вместо силы я чувствовал только онемение в ногах и лёгкое головокружение. Бабушкин звёздный кулон на груди тихо покалывал, но это было похоже на насмешку: «Ну давай, попробуй ещё».

Работа курьером выматывала до скрежета в суставах. Москва в ноябре — это холодный мокрый ветер, который пробирается под любую куртку, маслянистые лужи на асфальте и операторы колл-центра, звонившие каждые полчаса: «Почему вы стоите? Заказ ждут». Я мотался по Садовому кольцу, нёсся на велосипеде по скользкой брусчатке, вдыхал выхлопные газы и чувствовал, как жизнь просачивается сквозь пальцы. Двадцать два года. Брошенный политех. Долги за «коммуналку» и интернет. И этот дурацкий кулон на

шее, который я, вопреки всякой логике, не снимал.

Бабушка верила в талисманы. Я тогда, подростком, смеялся.

— Маша, ну зачем тебе этот камень? Он же просто булыжник.

— Ничего не просто, — она гладила мутный агат на своём перстне, и в её глазах светилась та спокойная мудрость, которую я научился ценить слишком поздно. — Вещь, которую долго носят с доброй мыслью, перестаёт быть просто вещью. Она впитывает наше намерение, как губка воду.

— А если с плохой?

— Тогда она впитывает плохое. И возвращает обратно. Амулет — это не волшебная палочка, Артёмка. Это дневник твоей души. По тому, как он ведёт себя — холодеет, греется, тяжелеет, — ты можешь понять, куда ты идёшь и не сбился ли с пути.

Теперь я смотрел на звёздчатый кулон, и он был просто металлом. Холодным, спокойным, безразличным. Моя душа, кажется, не писала в этом дневнике ничего стоящего.

Случилось это десятого ноября. Я запомнил дату, потому что в тот день утром получил смс-ку от банка: «Ваш счёт заблокирован. Для разблокировки погасите задолженность в размере 24 500 рублей». Я не мог погасить. На счету было четыреста пятьдесят. Я выпил чёрствый кофе из чашки с отколотым краем и поехал на смену.

Восемь заказов. Девять. Десятый — в Братеево, через

набережную Москвы-реки. Моросил мелкий, назойливый дождь, который хуже ливня: он не смывает грязь, а размазывает её по стеклу шлема. Асфальт блестел, как чёрное зеркало. Я нёсся под горку, скорость была слишком высокой, но я торопился. Всегда торопился. И всегда думал, что успею.

Я не заметил чёрную иномарку, вылетевшую из-за поворота. Она неслась на красный. Я видел только размытые фары, огромные, как два солнца, и слышал тонкий визг шин по мокрому асфальту.

Удар.

Я не могу описать его словами. Это был не просто толчок — это был взрыв. Моё тело, моя плоть, мои кости — всё это оказалось в центре урагана, который пришёл из ниоткуда. Я услышал хруст. Не велосипеда. Свой собственный. Я врезался спиной в бетонный столбик, который огораживал пешеходную зону. Боль была такой, что я перестал слышать звуки. Она заполнила собой всё.

А потом внутри меня взорвался красный шар.

Я видел его даже с закрытыми глазами — пульсирующий, горячий, он вырывался из позвоночника и растекался по телу. Кости хрустели снова, но теперь иначе. Они *срастались*. Я чувствовал, как осколки рёбер встают на место, как позвонки склеиваются, как мышцы стягиваются в тугие жгуты. Боль не утихала — она превратилась в огонь, который пожирал меня изнутри, но не убивал, а переплавлял заново.

Я открыл глаза и понял, что лежу на спине. Асфальт во-

круг меня пошёл трещинами. Десять. Двадцать. Пятьдесят сантиметров радиальных трещин, будто по бетону ударили кувалдой. У меня не было ни одной царапины. Но я чувствовал, как что-то внутри меня изменилось. Глубоко внизу, в основании позвоночника, пульсировал узел силы. Он был похож на раскалённый уголь.

Водитель иномарки выскочил из машины. Лицо белое, глаза круглые, руки трясутся.

— Ты... ты как? Живой? Я вызову «скорую», я...

Я смотрел на него и чувствовал, как в груди поднимается волна. Не страх. Не облегчение. Это было что-то древнее, звериное. Гнев. Яростный, первобытный, он рвался наружу, и я не мог его сдержать. Мои ладони сжались в кулаки, и костяшки побелели.

— Ты чуть не убил меня, — проговорил я. Голос звучал низко, почти рычаще.

— Я не хотел! Тормоза...

— Ты летел на красный!

Я шагнул к нему. Потом сделал ещё шаг. Моё тело было тяжёлым, как у зверя, готового к прыжку. Водитель попятился, споткнулся о бордюр и упал на спину. Я навис над ним, и в голове была только одна мысль: *разорвать*. Ударить. Наказать.

Он чуть не убил меня. Он должен заплатить. Он должен страдать.

В тот же миг кулон на моей груди обжёг холодом. Не про-

сто остыл — стал ледяным, как кусок космической пустоты, прижатый к коже. Ожог прошёл по грудной клетке, поднялся к горлу, и я замер. Ледяная волна ударила в мозг, и красная пелена начала спадать. Я видел лицо водителя — испуганное, жалкое. Мужик лет сорока, с сединой на висках, в дешёвом пиджаке. Он не был чудовищем. Он был просто дураком. Таким же, как я. Он тоже куда-то торопился. Тоже не успевал.

Я отшатнулся. Сжал кулон в ладони — он всё ещё был ледяным, но уже не обжигал. Гнев схлынул так же быстро, как и поднялся, оставив после себя только тошнотворную слабость. Я сел прямо на мокрый асфальт, обхватил голову руками и задышал часто-часто, пытаюсь унять дрожь.

Победи гнев — и ты победишь смерть. Будда. Я вспомнил это из бабушкиной книги. Она цитировала Будду на полях, рядом с описанием Муладхары. «Самый опасный враг корня — гнев. Он вырывает тебя из земли и делает разрушителем».

Я поднялся на ноги. Ноги дрожали. Водитель всё ещё лежал на земле и смотрел на меня с ужасом.

— Вали отсюда, — сказал я тихо.

Он вскочил, не глядя, и побежал к машине. Двигатель взревел, и иномарка скрылась за поворотом. Я остался один. Под дождём. На набережной. С пульсирующим красным сгустком в позвоночнике и кулоном, который медленно нагревался, возвращаясь к нормальной температуре.

Велосипед был разбит вдребезги. Заказ — коробка с суши

— валялся в луже, промокший и раздавленный. Я достал телефон. Двадцать пропущенных от диспетчера. Сообщение: «Ты уволен». Я убрал телефон в карман и просто стоял, глядя на чёрную воду Москвы-реки.

Три дня я не выходил из дома. Сидел на полу в углу комнаты, обложившись подушками, и пытался осмыслить случившееся. Сначала я думал, что это был шок. Галлюцинация. Организм выбросил адреналин, и я на какое-то время перестал чувствовать боль. Но потом я проверил. Я взял старый кухонный нож и провёл лезвием по ладони — не сильно, но достаточно, чтобы пошла кровь. Кожа расступилась, выступили капли. Я смотрел на них, и через несколько секунд рана начала затягиваться. Прямо на глазах. Сначала тонкой плёнкой, потом розовым рубцом, потом чистой кожей.

Я повторил. Второй раз. Третий. Каждый раз быстрее. На четвёртый раз нож просто не брал кожу — она стала твёрдой, как резина, и лезвие скользило, не оставляя следов.

Муладхара была пробуждена. Я мог замедлять пульс по желанию, мог задерживать дыхание на пять минут, мог согнуть пальцами стальную ложку. Физический мир перестал быть преградой. Но внутри, глубоко в основании позвоночника, всё ещё пульсировал тот самый красный уголь. И он был горячим. Очень горячим.

На четвёртый день я всё-таки выбрался на улицу. Нужно было купить еды. Холодильник был пуст, и в квартире пахло сыростью и одиночеством.

У метро я наткнулся на пьяную компанию. Трое парней, громкие, наглые. Они загородили проход и требовали денег «на такси», но я видел по их глазам, что им нужна не мелочь, а драка. Один из них — лысый, с татуировкой на шее — толкнул меня плечом.

— Эй, а ты че такой быстрый? Не видишь людей?

Вот тут я почувствовал это снова. Гнев. Он поднялся откуда-то из глубины, из самого красного сгустка, и залил сознание тёмной волной. Но на этот раз я ждал его. Я почувствовал, как кулон на груди начинает остывать. За секунду до того, как я сделал бы что-то непоправимое, я вцепился в кулон пальцами и сжал. Холод ударил в запястье, в грудь, в мозг.

Я не дрался. Я просто сказал:

— Отойдите.

И они отошли. Я не повысил голоса, но в нём было что-то, что заставило их отступить. Возможно, они почувствовали то же, что и водитель той иномарки — звериный, нечеловеческий холод, исходящий от моего тела. Они расступились, и я прошёл мимо.

В магазине я купил хлеб, кефир и дешёвую колбасу. Когда стоял в очереди, вглядывался в своё отражение в стекле витрины. Я выглядел так же, как и раньше: уставший парень в дешёвой куртке. Но внутри, в основании позвоночника, пульсировала сила. И этот пульс напоминал мне о том, что я — уже не просто курьер Артём.

Я не знал, хорошо это или плохо.

Вечером я снова открыл бабушкину книгу. На полях, рядом с описанием Муладхары, я увидел её почерк, который раньше пропускал:

«Помни: ты не бог. Ты — корень. Дерево, которое тянется вверх, не забывает о земле. Сила корня — в его способности прощать, а не в способности сокрушать. Если ты используешь его для мести, он высосет из тебя всю жизнь».

Я закрыл книгу и долго сидел в темноте, глядя на звёздный кулон, который теперь висел на спинке стула. Я снял его, когда началась медитация, и с тех пор не надевал.

— Прощать, — вслух произнёс я это слово. Оно звучало чужеродно.

Простить водителя, который чуть не убил меня. Простить пьяных парней, которые искали драки. Простить себя. За то, что я позволил себе дойти до черты, за которой мог стать разрушителем.

Наутро я снял с полки бабушкин хрустальный шар, который всегда сто

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.